

УДК 316.334.54

DOI: 10.17223/2312461X/30/9

ФОРМЫ ЖИЛЬЯ И СОСЕДСТВА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА И ИРКУТСКА)*

Антон Алексеевич Садырин

Аннотация. Данная статья обращается к одной из, к сожалению, мало затрагиваемых в российских социальных науках тем – проблеме жилья мигрантов в принимающем обществе. Задача статьи – продемонстрировать возможные вариации «видов» жилья трудовых мигрантов из Центральной Азии и их жилищную траекторию в двух сибирских региональных столицах – Иркутске и Томске. Кроме того, в статье обсуждаются способы соседства в среде мигрантов, приводится этнографическое описание конкретного жилья приезжих. Эмпирическая база статьи – проведенные в 2018 г. 60 интервью в г. Томске и в 2019 г. 40 интервью в г. Иркутске, а также материалы анкетного опроса, проведенного в г. Томске, в результате которого было собрано 300 анкет. Интервью и опрос проводились в вернакулярных районах сибирских городов. Анализ эмпирического материала позволил говорить о том, что большинство мигрантов выбирают жилье эконом-класса, чаще начинают свою «жилищную карьеру» в домах родственников, друзей, коллег или земляков, которые одновременно выполняют функцию «навигирующего» соседа в городском пространстве для вновь прибывших.

Ключевые слова: жилье мигрантов, соседство мигрантов, трудовая миграция, трудовые мигранты

Современное освещение проблем миграции в СМИ и дальнейшее распространение этой информации в среде управленцев и общества оставляет желать лучшего. Не утихают разговоры о возникновении якобы анклавов, гетто, этнических кварталов, организованных мигрантами из Центральной Азии. Зачастую в качестве доминанты таких районов выделяются места, где проживают трудовые мигранты. Одним из укорененных мифов в этой связи является представление о существовании проблемы «резиновых» квартир, в которых либо зарегистрировано большое количество иностранцев, либо там проживает большое количество реальных жильцов. Данная работа отчасти является ответом на существующий миф, так как качественных полевых исследований, посвященных домохозяйствам мигрантов, в отечественной науке незначительное количество. На мой взгляд, это вызвано закрытостью и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

уязвимостью исследуемой группы населения, что неоднократно подтверждалось и в ходе собственной полевой работы. Такая ситуация чревата созданием и культивированием ряда стереотипов касательно жилья мигрантов. К слову, в собственном поле, проводившемся в Иркутске, в ходе беседы один видный чиновник, оценивая миграционную обстановку в городе, первым делом заявил, что в районе «Жилкино» существует настоящий анклав, в котором живут (конечно, в «резинových» квартирах) и работают преимущественно мигранты. На вопрос «что же такое анклав и почему это анклав», чиновник не смог дать ответа. Полевая работа в данном районе окончательно разрушила всякое представление о нем, как о месте, где сконцентрировано исключительно мигрантское население.

Справедливо будет отметить, что, несмотря на немногочисленность исследований, посвященных проблемам жилья приезжих, существует ряд ключевых для отечественных социальных наук работ. Исследование, выстроенное вокруг «жилищной карьеры» (*housing career*), означающее смену жилищных условий индивида или домохозяйства по мере прохождения этапов жизненного цикла (Murdie 2002), было проведено А.Л. Рочевой. Однако вместо «жилищной карьеры» Анна Рочева использовала словосочетание «карьера квартиросъемщика» – более узкое понятие, подразумевающее смену «позиций» внутри квартиры и смену места жительства среди мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана (Рочева 2015). В парадигме транснационализма и идентификации мигрантов с каким-либо пространством как с «домом» работали С.Н. Абашин, О. Бредникова и О. Ткач. Абашин, описывая «мигрантский дом» в Узбекистане, приходит к выводу, что он «...является условием и символом социального положения человека. Дом все время достраивается и перестраивается или возводится заново на мигрантские переводы. Это своеобразный вид “залогового рабства”, но без кредита и без массового желания переехать в город как способа социального роста – последний совершается в рамках семейного и локального круга» (Абашин 2015: 156–157). Бредникова и Ткач в своей работе приходят к выводу, что мигрантка – «яркий пример постмодернистского номадического субъекта», который отказывается от «своей комнаты» и обретает чувство свободы и мобильности, открываясь новым экономическим и социальным возможностям (Бредникова, Ткач 2010: 93).

Приведенные выше работы коллег во многом опираются на западные идеи транснационализма в вопросах изучения концепта «дома» для мигранта. В этой связи «дом» перестает быть физическим пространством, вбирающим в себя стены, пол и крышу, в котором находится приезжий. «Дом» – это скорее опыт, основанный на чувстве безопасности и культурной близости (Vossagni 2017). В парадигме транснационализма «дома» мигрантов представляют собой попытку восстано-

ния естественного порядка вещей, противодействующего моральным, символическим и эмоциональным нарушениям, вызванным миграцией (Boscagni 2014). При этом, как показывает длительная работа автора в «мигрантском» поле, «дом» мигранта безусловно двойствен: «дом здесь» существует для «дома там» (*страна миграции/страна исхода*), однако «дом здесь» может быть домом лишь при наделении его особыми смыслами, связанными с уже состоявшимся опытом «дома там». Иначе говоря, расценивать «дом» трудового мигранта в России как некоторое физическое пространство будет безуспешным занятием, так как он состоит прежде всего из опыта и смыслов; задача социального исследователя в таком случае сводится к поиску и актуализации в ходе полевой работы вышеупомянутых характеристик «дома». Стоит отметить, что данная работа лишь частично направлена на рассмотрение жилья трудового мигранта через призму транснационализма, скорее, это исследование познакомит читателя с возможными формами жилья и соседства приезжего из Центральной Азии в сибирском городе в целом.

Идея данной статьи возникла в ходе работы в проекте Российского научного фонда «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц». В роли двух сибирских региональных столиц в этом исследовании выступают Томск и Иркутск. В качестве объекта исследования были выбраны мигранты из трех среднеазиатских республик (Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан) как наиболее многочисленная группа иностранцев, въезжающих на территорию Томска и Иркутска. Помимо этого, выходцы из данных государств наиболее подвержены дискриминации в силу своей «видимости», а СМИ зачастую навязывают этим людям ярлык «усредненного» мигранта (Нам и др. 2017), безусловно несущего угрозу российскому обществу (Деминцева, Пешкова 2014). При этом автор не ставит задачу сравнить два города, особенно концентрируясь на ряде различий или сходств при анализе форм жилья и соседства мигрантов в Томске и Иркутске. Работа раскрывает результаты предварительной полевой работы в двух городах, требующей дальнейшей разработки сложной темы.

В первый год общая полевая работа велась в Томске в двух основных направлениях: 1) описание повседневной жизни мигранта (социальные связи, досуг, принадлежность к каким-либо сообществам); 2) описание городской инфраструктуры, которой пользуется мигрант в своем районе и в городе в целом. В основу исследования был положен подход, нередко использующийся в культурной географии, согласно которому в городском пространстве существуют как традиционные (реальные), так и ментальные (вернакулярные) районы, а основными критериями выделения вернакулярного района служит его локализация в восприятии жителями отдельной городской территории (Калуцков 2013). В Томске было выделено три вернакулярных района: «Центр»,

«Черем», «Иркутчи», имеющих разные социально-экономические и географические характеристики.

В начале исследования был проведен анкетный опрос в вышеуказанных районах с целью возможной демонстрации мест концентрации мигрантов и «мигрантской» инфраструктуры для дальнейшей работы в каждом из вернакулярных районов посредством глубинных интервью и участвующего наблюдения. Всего было опрошено 300 мигрантов, по 100 человек в каждом районе. Из них выходцев из Узбекистана было 179, Кыргызстана – 76, Таджикистана – 45 (пропорционально их общей численности в городе). Помимо анкет, командой исследователей было собрано 60 интервью, из которых 43 – глубинных и фокусированных, 17 – полуструктуризованных. В своей статье я попытаюсь отразить лишь тот блок нашего исследования, который связан с темой жилья и соседства.

Выбор района проживания для многих мигрантов определяется следующими обстоятельствами: 1) первое место проживания в одном из вернакулярных районов, как правило, определяет последующий выбор жилья именно в этом районе в связи с ранее выстроенными социальными связями, привычной инфраструктурой, местом работы:

В.: сейчас ты в каком месте Томска живешь?

О.: сейчас на Иркутском, рядом с работой, удобно добираться» [ПМА, 2018].

«Жили там рядом с Карповским, почти рядом с домом, где потом купили квартиру, бывало, что один снимал, но знал именно этот район хорошо. Квартиру покупали тоже в этом районе» [ПМА, 2019].

2) наличие родственников в вернакулярном районе:

«Сейчас мигранты не едут, как раньше, в город, где нет родственников и знакомых» [ПМА, 2018].

«Просто, когда мы приехали, мы сразу жили на Каштаке. Там у меня, во-первых, родственники живут, в районе авторынка, потому что больше какое-то “свое”» [ПМА, 2018].

3) некоторые участники исследования отмечали, что на выбор конкретного района повлияло наличие в нем земляков;

4) один из мигрантов обосновал покупку дома в вернакулярном районе «Центр» существованием здесь мечети, которую он регулярно посещает:

В.: Что хорошего в этом районе?

О.: Мечеть, я для мечети здесь купил, я утром в 7 часов намаз делаю.

В.: Вам кто-то помогал с покупкой дома?

О.: Да-да, жена гражданка России» [ПМА, 2018].

Для 90% мигрантов, опрошенных в Томске, основным местом проживания является квартира, 4% опрошенных проживают в общежитиях, 6% – в частных домах. Обычно мигранты проживают в двухкомнатных квартирах, вместе с мигрантом чаще всего живут 1–2 человека,

гораздо реже 3–4. Максимальное число проживающих в одной квартире в нашем исследовании было 8. Были и те, кто проживает в квартире один:

«В.: А вы обычно один снимали или с кем-то?»

О.: Я обычно один, потому что у меня был мама здесь, вместе с просто мама жили, поэтому я всегда один.

В.: А мама сейчас на родине?

О.: Она, да, она уехала» [ПМА, 2018].

Весьма важной проблемой для мигрантов остается поиск жилья и соседство. Согласно данным, полученным в ходе интервью, часть мигрантов в Томске арендует жилье, другая часть владеет собственной недвижимостью в разных районах. Зачастую определяющими факторами в разнице между мигрантами-квартиросъемщиками и собственниками выступают длительность проживания в городе, а также цели пребывания в Томске (кратковременные/долговременные). Среди мигрантов, арендующих жилье, в особую группу можно выделить тех, кто не платит арендную плату, а живет в квартире/доме «в счет зарплаты». В таком случае в роли главного арендатора жилья выступает хозяин бизнеса, в котором задействованы мигранты. Хозяин бизнеса/главный арендатор, помимо предоставления своим работникам жилья, нередко снабжает мигрантов продуктами, оказывает помощь при оформлении документов, а при наличии автомобиля доставляет на работу и с работы домой:

«В.: А почему именно на Каширке квартира?»

О.: Ну, там же наш хозяин квартира снимает, до этого тоже работники там жили.

В.: А ты деньги какие-то за квартиру отдаешь ему?

О.: Нет.

В.: А где продукты покупаешь? Может быть, на рынки ходишь? Здесь рядом «Октябрьский рынок».

О.: Нет, не хожу; наш хозяин, если что-нибудь понадобится мне, днем покупает.

В.: Т.е. он вам может и из еды что-то купить?

О.: Да, одежду сами покупаем.

В.: Т.е. хозяин во всем помогает?

О.: Да, помогает, если еще какой-то возможность у него будет нам помочь, он нас...по документам или еще что-то, он нам помогает всегда.

В.: А в больницу не обращались?

О.: Нет.

В.: Но он поможет?

О.: Да, поможет...» [ПМА, 2018].

Анализ анкетного опроса и интервью показал, что основными соседями мигранта по жилью чаще всего выступают близкие родственники, но люди, живущие в Томске недавно, делят свой быт с теми, с кем они вместе работают. Чаще всего это выходцы из одного региона, принадлежащие к одной этнической группе.

Летом 2019 г. полевая работа по исследованию инфраструктуры мигрантов переместилась в Иркутск. В этом городе было выделено два вернакулярных района («Рабочее», «Район мечети»), основной доминантой которых были рынки и сопутствующая им инфраструктура. Главную задачу, которую я ставил для себя в исследовании в вышеупомянутом городе, – описание жилья мигрантов изнутри. В одной из кулуарных бесед с С.Н. Абашиным в ходе II Томского антропологического форума возникла идея «проникновения» в жилье мигранта, так как эти процессы малоисследованы и плохо описаны социальными учеными. Несмотря на продолжительную полевую работу в Томске, попасть к мигрантам «в гости» у меня не получилось. В Иркутске ситуация усложнялась тем, что глубокое участвующее наблюдение с выстраиванием взаимодействий на основе эмпатических связей за две недели было невозможно. В соответствии с обозначенной проблемой выстраивалась и личная полевая стратегия. Во-первых, в ходе своего рода «fast-интервью», проводимых прежде всего на рынках Иркутска, необходимо было выявить наличие/отсутствие возможных точек пересечения в вопросах жилья и соседства с другим сибирским городом – Томском. Во-вторых, при обнаружении в ходе бесед мест концентрации жилья мигрантов в определенном доме, на конкретной улице или в конкретном районе совершить попытку «напроситься в гости» к мигранту. В-третьих, благодаря иркутским коллегам, была достигнута договоренность с некоторыми людьми о проведении возможных бесед в их домах.

В ходе интервью удалось выяснить, что, как и в Томске, значительная масса мигрантов арендует жилье. Во многом это обусловлено высокими ценами на жилье и невозможностью «взять кредит» на покупку недвижимости в силу ряда факторов, вызванных, прежде всего, статусом мигранта. Арендованное жилье, как правило, располагается близ видимых мест концентрации мигрантов. В нашем случае это рынки. В Иркутске, в отличие от Томска, хорошо применима метафора «кластеров» – мест, «вкрапленных» в местный поселенческий массив, включающих в себя объекты городского хозяйства, в которых активно используется труд мигрантов и высок удельный вес мигрантского населения (Мухаметшина 2014). При этом «кластеры» не имеют ярко выраженных культурных или этнических маркеров, так как в одном «кластере» сосредоточены представители разных этнических групп. Видится, что «кластеры» сформировались вокруг крупных рынков, являющихся сложной системой рыночных площадей, инфраструктуры, об-

служивания, небольших магазинов, представляющих собой единый организм, который формировался на протяжении десятков лет (Григоричев, Дятлов 2017). Этот организм включает в себя и потоки людей, товаров, информации, одним словом, «узлы циркуляции» (Урри 2012) и те места, в которых проживают мигранты, арендующие жилье экономкласса, в котором, как и в Томске, могут проживать представители одной семьи или коллеги:

«О.: В России я уже 3 года. Первый год жил и торговал в Москве, потом переехал в Иркутск к брату. Сейчас мы живем вместе в трехкомнатной квартире.

В.: Вы вдвоем живете?

О.: Нет, у него есть жена и два ребенка. Все вместе живем» [ПМА, 2019].

Именно родственники и коллеги, а если быть точнее, коллеги из одного региона исхода являются первыми и основными звеньями «социальной сети мигрантов». Эта сеть выстроена на *легкости* (взаимодействовать со знакомыми проще), *рациональности* (выгоднее делить быт с близкими), *доверии* (ранее установленные социальные связи не позволят меня обмануть), *давлении извне* (предвзятое отношение к мигрантам), *пространстве* (мигранты взаимодействуют с теми, с кем пересекаются в физическом пространстве) (Бредникова, Паченков 2002). Таким образом, выбор будущего дома приезжего можно определять через качество выстроенной социальной сети мигранта. В данном случае house (жилище) не есть home (атмосфера, домашняя среда), так как транснациональный характер миграционных процессов ставит во главу угла именно атмосферу, где важную роль играет связь с родиной в лице коллег и родственников (Бредникова, Ткач 2010).

Арендное жилье в Иркутске можно разделить на несколько позиций: 1) квартиры в жилых кирпичных/панельных домах; 2) квартиры в деревянных домах (бараках); 3) комнаты в общежитиях. Вид жилья также играет роль в выборе будущего места жительства, так как во многом категории жилья, указанные мной, расположены в порядке убывания будущей стоимости арендной платы. Наиболее распространенный вид жилья среди мигрантов – жилье в многоквартирных домах, расположенных, как правило, в пешей доступности от места работы. В двух исследованных районах присутствуют также и постепенно исчезающие двухэтажные деревянные бараки, и общежития. В последних видах «мигрантского» жилья чаще встречаются, во-первых, «мигранты-новички» без хорошо выстроенных социальных связей и накопленного социального капитала, арендующие жилье низкого качества без необходимых коммуникаций. Во-вторых, это могут быть те мигранты, которые прибывают в Россию на крайне незначительные сроки. В основном это водители грузовых автомобилей и сопровождающие их грузчики.

Такие люди обычно пользуются специально предназначенными для них общежитиями и хостелами, расположенными близ овощных баз и вещевых складов Иркутска.

Необходимо отметить, как и в Томске, другой немаловажный фактор, влияющий на выбор мигрантами района проживания, заключающийся в жизненной истории человека, которая связана с конкретным районом:

«Я здесь (в этом районе. – А.С.) снимаю уже третью квартиру. Здесь школа для ребенка, тихо, спокойно, я здесь все знаю» [ПМА, 2019].

Возвращаясь к ранее озвученной мысли – все это вновь говорит о мультилокальности жилища, которое концептуализируется не как статичное место, а как текучее, включающее его создание, изменение, перемещение и разрушение.

В то же время существуют группы мигрантов, которые, во-первых, в силу длительного нахождения в России (*здесь можно говорить и о мигрантах второго поколения*), а во-вторых, в силу повышения своего социального статуса говорят о том, что уже приобрели жилье в Иркутске либо собираются это сделать в ближайшее время. В этой связи мы с коллегами отметили для себя часто возникающую метафору в беседах с мигрантами из Кыргызстана. Она устремлена в будущее и обусловлена географическими особенностями Иркутска, а в интервью звучит так: *«построить дом на Байкале»* или *«а, вот, он построил дом на Байкале»*. Эта метафора во многом демонстрирует повышение статуса будущего обладателя дома на берегу самого большого пресного озера в мире. Своего рода американская мечта кыргызского мигранта в Иркутске. И все же, уходя от ироничного сравнения, нужно отметить, что в беседах с мигрантами в Прибайкалье периодичность возникновения темы о приобретении собственного жилья выше, нежели в Томске. Для многих приезжих и получивших гражданство мигрантов появляется возможность получения материнского капитала, что существенно облегчает процесс выдачи ипотечного кредитования:

«В.: А о приобретении собственного жилья Вы задумывались?»

О.: Да, у меня же гражданство есть, я второго ребенка родила в России и получила материнский капитал. Вложу эти деньги в квартиру» [ПМА, 2019].

Так описывает свои жизненные планы одна из участниц нашего исследования, получившая государственную материальную поддержку.

Параллельно развивается теневая часть инфраструктуры мигрантов, связанная с «серым обналичиванием» материнского капитала. Мне удалось побывать в одной из таких фирм, расположенной в пространстве «кластера» – в пределах одного из городских рынков Иркутска и уже являющейся частью новой инфраструктуры. Это весьма обширная «федеральная» финансовая организация, основанная на принципах

«инвестиционной пирамиды». В этой фирме задействованы сами мигранты, которые отказались от сложной работы на рынке и теперь занимаются привлечением новых членов пирамиды. В силу этических соображений позволю себе не раскрывать все подробности этой структуры.

После обнаружения в пределах «кластера» мест концентрации жилья мигрантов я попытался «напроситься в гости». В качестве основного объекта наблюдения было выбрано общежитие, располагающееся в «районе мечети» и прилегающее к рыночным складам, а также к парковке грузовых автомобилей, привозящих товары для продажи на рынке. На первом этаже этого здания и в цокольном помещении расположен музей советской ретро техники. В одной из социальных сетей мне удалось найти группу данного музея и пообщаться с представителем пресс-службы:

«Насколько я знаю, там сдаются комнаты в аренду на довольно длительный срок, в основном мигрантам. Но там одно время жило несколько моих знакомых из числа русских. Как давно там общежитие, я не знаю, но сам музей существует уже 5 лет, а до 2014 г. на той территории действовал китайский рынок «Шанхайка». Не знаю, стояло ли само здание, но предполагаю, что нет. Так что общежитию предположительно 5 лет» [ПМА, 2019].

Общежитие имеет два подъезда, в один из которых попасть было невозможно, так как он был попросту закрыт. Соседний подъезд не имел преграждающей вход железной двери. Само здание, как описано выше, относительно новое, шестиэтажное. На каждом этаже расположено несколько комнат. К сожалению, мне удалось попасть лишь в одну из комнат. Ее обитатели – двое молодых парней из Таджикистана, на вид 20–25 лет, открыли мне дверь, но наш диалог был непродолжителен, так как они ссылались на усталость и нежелание в связи с этим разговаривать. Я выяснил лишь то, что они работают на соседнем рынке, но в этот день у них был выходной. Снимают эту комнату вдвоем около 2 месяцев. Мне удалось визуально запечатлеть внутреннее пространство небольшой комнаты общей площадью 12–15 м², организованное весьма хаотично – из разряда «холостяцкое жилье»: посередине – двуспальный матрас, на котором отдыхали мигранты, справа от него – молитвенный коврик – сажжада, в комнате беспорядочно разбросаны вещи, завершало слегка вытянутую комнату окно, на котором не было занавесок. Эта комната говорила о том, что ее хозяева временные жители, для которых важными в пространстве являются отдых и вера, намекая на мультилокальность жилья. Пройдясь дальше по коридору общежития, я обнаружил общий холл, в котором располагались стиральная машина, микроволновая печь, телевизор и ряд кресел. В одном из кресел расположился русскоязычный администратор, кото-

рый, к сожалению, отказался от комментариев, подтвердив лишь тот факт, что в этом здании находится общежитие, в котором проживает некоторое число мигрантов. Другие двери в комнаты для меня в этот день оказались закрыты.

Вторая и последняя попытка побывать в гостях у мигрантов в Иркутске состоялась во многом благодаря местным коллегам, организовавшим встречу. Беседа с соседкой-мигранткой моей коллеги проходила в доме антрополога. Марина (*так на русский манер называла себя участница исследования из Кыргызстана*) сначала наотрез отказывалась от возможности провести интервью в ее квартире, ссылаясь на присутствие пожилой матери в маленькой комнате, а также на некоторый «бардак», который она не успела устранить. Так и случилось, наша беседа проходила не в доме мигрантки, однако к концу беседы, уже наладив некоторую связь, мне все же удалось napроситься, чтобы «одним глазком» посмотреть, как живет Марина. Предварительно участница исследования спустилась к себе в квартиру и попросила подождать около получаса, чтобы она смогла прибраться. Марина проживает вместе с сыном – учеником начальной школы и девятилетней матерью, совершенно не говорящей по-русски. Она выбрала жилье в этом районе по уже известным нам причинам – жили родственники, привыкла к атмосфере вокруг, арендует уже третью квартиру именно в этом месте. Первое, что бросилось мне в глаза, когда я после непродолжительного ожидания оказался в однокомнатной съемной квартире Марины, расположенной в классической «хрущевке-пятиэтажке», – это огромное количество цветов, кажется, занимающих все свободные углы и полки.

О.: Цветы – мое давнее увлечение, у меня их очень много.

В.: О, у меня ведь тоже дома есть фикус.

О.: А ты знаешь, что фикус водку любит и остатки от чая, он у меня поэтому такой большой и крепкий.

В.: Как же Вы свою оранжерею перевозите из квартиры в квартиру?

О.: Очень тяжело, но цветы я не брошу, их первым делом перевезла, с ними дом становится домом» [ПМА, 2019].

Под ногами скрипит недавно покрашенный деревянный пол, по которому то и дело носится серый котенок-подросток.

В.: Какой шустрый котенок...

О.: Сын захотел, мы купили кошку ему, теперь везде с нами.

В.: А как зовут кошку?

О.: Киса-Алиса (смеется)» [ПМА, 2019].

В комнате расположились две кровати, на одной из которых спит Марина с сыном, а на другой ее мать. Близ кровати Марины находится письменный стол, за которым сын занимается школьными делами. Этот же стол выполняет функции обеденного стола. На стенах – обои с ярко-

зеленым цветочным узором, Марине как любительнице цветов нравится этот рисунок. За стеной – крошечная кухня, на которой, со слов Марины, тесно даже одному человеку.

После того, как на рынке (предыдущее место работы мигрантки) дела пошли неважно, Марина купила автомобиль и устроилась на работу в такси, что ее вполне устраивает:

«Теперь я в любое время могу приехать домой, отдохнуть, приготовить, встретить сына со школы. Деньги получаю еще больше, чем на рынке, а нервов трачу меньше» [ПМА, 2019].

Участница исследования считает, что большинство тех мигрантов, с которыми она взаимодействует в повседневной жизни, обладают схожим с ней жильем, только некоторым из них приходится уместаться в таких квартирах семьями значительно большими, чем семья Марины.

Тема жилья мигрантов и доступа в него антропологов остается одним из важных, но в тот же момент сложных полей. Этот элемент «мигрантской» инфраструктуры требует детального описания и в том русле, которое выбрал я для написания данной статьи, и в ключе повседневности мигрантов (*к примеру, прожить некоторое время с мигрантами в одном доме*), и в перспективе экономической составляющей жизни приезжих. Анализ мотивов выбора жилья в двух сибирских городах позволяет сделать вывод, что большинство мигрантов отправляются в Россию к *кому-то* (родственники, друзья, коллеги, земляки), и этот *кто-то*, как я уже писал ранее, является начальным и важным звеном в выстраивании социальной сети мигрантов, этот *кто-то* одновременно выполняет функцию навигатора мигранта, одной из задач которого является обеспечение приезжего жильем. А родственники и/или земляки на протяжении длительного времени выступают в роли основных соседей вновь прибывшего до установления экономической самостоятельности и накопления первого капитала для будущей аренды/покупки жилья. Большинство мигрантов стараются «осесть» близ мест работы, при этом, как правило, выбирая жилье экономкласса, которое включает в себя и в Томске, и в Иркутске дореволюционные/советские деревянные бараки, общежития, многоквартирные дома с низкой арендной платой. Многие приезжие, особенно в Иркутске, нацелены на дальнейшую покупку недвижимости в России, чаще это связано с получением гражданства и возможностью использования государственных субсидий за вторые роды. Существуют и уникальные случаи соседства и проживания мигрантов, которые, как мне представляется, требуют детального описания и анализа со стороны научного сообщества.

Благодарности

Благодарю И.В. Нам за научное консультирование, Сеиль Джанызакову и Федора Сметанина – за предоставление части полевого материала, Диану

Брызгину – за помощь в организации полевой работы в Иркутске, а также анонимных рецензентов статьи за ценные советы и замечания.

Источники

Полевые материалы автора и членов научного коллектива проекта РНФ № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» [ПМА 2018], [ПМА 2019].

Литература

- Абашии С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 125–165.
- Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической» экономики и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 2. С. 74–81.
- Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72–95.
- Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С. 121–132.
- Деминцева Е.Б., Пешкова В.М. Мигранты из средней Азии в Москве // *Демоскоп Weekly*. 2014. № 597–598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>.
- Калуцков В. О типах районов в культурной географии // *Культурная и гуманитарная география*. 2013. Т. 2, № 1. С. 3–9.
- Мухаметшина Н.С. «Мигрантские кластеры» в социальном пространстве города // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16, № 3(2). С. 638–642.
- Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 1. С. 166–192.
- Рочева А.Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // *Социологический журнал*. 2015. Т. 21, № 2. С. 31–50.
- Урри Дж. Мобильности: пер. с англ. М.: Практикс, 2012.
- Murdie R.A. The housing career of Polish and Somali newcomers in Toronto's rental market // *Housing Studies*. 2002. Vol. 17, № 3. P. 423–443.
- Boccagni P. A New Lens on the Migration-home Nexus // *Migration and the Search for Home*. New York: Palgrave Macmillan, 2017.
- Boccagni P. What's in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration // *Housing, Theory and Society*. 2014. Vol. 31. № 3. P. 277–293.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2019 г.

Sadyrin Anton A.

CENTRAL ASIA LABOUR MIGRANTS: A CASE STUDY OF FORMS OF MIGRANT HOUSING AND NEIGHBOUR RELATIONS IN THE SIBERIAN CITIES OF TOMSK AND IRKUTSK*

DOI: 10.17223/2312461X/30/9

Abstract. The article addresses one of the issues, unfortunately, not much touched upon in the social sciences in Russia, which is migrant housing. It aims to show some of the 'types' of housing that labour migrants from Central Asia find themselves in in two Siberian urban cen-

tres, namely Irkutsk and Tomsk. In addition, forms of neighbour relations among migrants are discussed, and an ethnographic description of some specific housing conditions is given. The article is based on 60 interviews conducted in Tomsk in 2018 and on 40 interviews carried out in Irkutsk in 2019, as well as on a survey done in Tomsk, with 300 questionnaires collected as a result – all the research having been undertaken in so-called ‘vernacular’ parts of the two cities, that is, parts defined based on people’s perception rather than administrative division. The results indicate that most migrants in the study opt for economy-class housing, while at first often having to live in the homes of their relatives, friends, colleagues and compatriots, who also help orient them to the city.

Keywords: migrant housing, neighbour relations among migrants, labour migration, labour migrants

*The research was conducted as part of the project titled ‘The use and development of migrant urban infrastructures in Siberian regional centres’, supported by the Russian Science Foundation (RNF) (grant No. 18-18-00293).

References

- Abashin S.N. Vozvrashchenie domoi: semeinye i migratsionnye stsennarii v Uzbekistane [Returning home: Family and migration scenarios in Uzbekistan], *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 125–165.
- Brednikova O., Pachenkov O. Etnichnost’ “etnicheskoi” ekonomiki i sotsial’nye seti migrantov [The ethnic in the ‘ethnic’ economy and migrant social networks], *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 2002, Vol. 3, no. 2, pp. 74–81.
- Brednikova O., Tkach O. Dom dlia nomady [Nomad home], *Laboratorium*, 2010, no. 3, pp. 72–95.
- Grigorichev K.V., Diatlov V.I. «Kitaiskie» rynki Rossii: rol’ v postsotsialisticheskoi transformatsii (sluchai Irkutsk) [Irkutsk ‘Chinese Markets’ and the post-socialist transformation in Russia: A case study], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 419, pp. 121–132.
- Demintseva E.B., Peshkova V.M. Migranty iz srednei Azii v Moskve [Central Asia migrants in Moscow], *Demoskop Weekly*, 2014, no. 597–598. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>.
- Kalutskov V. O tipakh raionov v kul’turnoi geografii [Types of regions in cultural geography], *Kul’turnaia i humanitarnaia geografiia*, 2013, Vol. 2, no. 1, pp. 3–9.
- Mukhametshina N.S. «Migrantskie klasteri» v sotsial’nom prostranstve goroda [‘Migrant clusters’ in the urban social space], *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2014, Vol. 16, no. 3(2), pp. 638–642.
- Nam I.V., Karageorgii E.M., Ermolova A.I., Nikitina E.V. Konstruirovaniie obraza trudovogo migranta v regional’nykh SMI (na primere Tomsk) [The image of labour migrants as constructed by the mass media in the city of Tomsk: A case study], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 1, pp. 166–192.
- Rocheva A.L. Issledovanie pozitsii “kar’ery kvartirov”emshchika” i modeli prozhivaniia v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana [Research on the ‘tenant career’ and forms of housing used by migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2015, Vol. 21, no. 2, pp. 31–50.
- Urry J. *Mobil’nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praksis, 2012.
- Murdie R.A. The housing career of Polish and Somali newcomers in Toronto’s rental market, *Housing Studies*, 2002, Vol. 17, no. 3, pp. 423–443.
- Boccagni P. A new lens on the migration-home nexus. In: *Migration and the Search for Home*. New-York: Palgrave Macmillan, 2017.
- Boccagni P. What’s in a (migrant) house? Changing domestic spaces, the negotiation of belonging and home-making in Ecuadorian migration. *Housing, Theory and Society*, 2014, Vol. 31, no. 3, pp. 277–293.